

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ

ИЗДАЕТСЯ С 1947 ГОДА
ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

11

1969

Древнерусская культура и современность

[Беседа с лауреатом Государственной премии, членом-корреспондентом
АН СССР Д. С. ЛИХАЧЕВЫМ]

Редакция обратилась с рядом вопросов к видному специалисту в области древнерусской культуры, руководителю сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, члену-корреспонденту АН СССР Д. С. Лихачеву (Ленинград). Вопросы были подготовлены сотрудником редакции Ю. П. Сенокосовым.

Вопрос. Советская и мировая общественность знает вас как крупного специалиста в области древнерусской литературы, как автора книг «Русские летописи», «Текстология», «Поэтика древнерусской литературы» и др. Совсем недавно под вашей редакцией (совместно с Л. А. Дмитриевым) и с вашей вступительной статьей в издательстве «Художественная литература» вышел «Изборник» (Сборник произведений литературы древней Руси). Насколько известно, это первый опыт подобного рода издания за всю историю русского книгопечатания, если, разумеется, не иметь в виду летописи, особенно большие летописные своды, где также, как правило, находили место все жанры и виды древнерусской литературы. В чем вы видите преимущество подобного рода изданий и по какому принципу (жанровому, тематическому, идейному и т. п.) подбирался «Изборник»?

Ответ. Наш «Изборник» составлялся с целью, которую не могли себе ставить древнерусские книжники: показать современному советскому читателю разнообразие, богатство и высокие художественные достоинства семивековой древнерусской литературы. Мы стремились включить произведения разных жанров, разных типов и различные по своей идейной направленности.

К нашему большому огорчению, мы не достигли цели. Объем сборника не позволял нам включить в него многие весьма важные и показательные произведения. Достаточно сказать, что в сборник не попали «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, Дамострой, трактат «О причинах гибели царств» и многое другое. Некоторые произведения пришлось сильно сократить.

Впрочем, некоторое сходство с древнерусскими «четыми» у нашего «Изборника» действительно есть. И это сходство подчеркнуто тем, что ему дано древнерус-

ское название. В древней Руси книга была дорога. Древнерусский писец стремился переписать для себя в одной книге все то, что его больше всего интересовало. Каждая книга была одной из очень немногих книг у своего владельца. Современный широкий читатель также почти не имеет книг по древнерусской литературе. Мы решили дать современному читателю все то, что он мог бы не только прочесть, но и изредка перечитывать. Поэтому ему нужен сборник избранных произведений — «Изборник».

Наш «Изборник» — своеобразное «приглашение» к чтению древнерусских произведений. Сейчас тот же коллектив составителей, что работал и над «Изборником», будет стремиться создать двенадцатитомную «Библиотеку древнерусской литературы», в которую мы постараемся включить все то, что любим и ценим сами и что, по нашему убеждению, представит существенный интерес для современного читателя.

Вопрос. В своей вступительной статье к «Изборнику» вы пишете: «Одна из насущнейших задач — ввести в круг чтения и понимания современного читателя памятники искусства слова древней Руси. Искусство слова находится в органической связи с изобразительным искусством, с зодчеством, с музыкой, и не может быть подлинного понимания одного без понимания всех других областей художественного творчества древней Руси». Не могли бы вы пояснить эту последнюю мысль?

Ответ. Все виды древнерусского искусства тесно связаны между собой. Эти связи могут быть обнаружены по разным, так сказать, линиям. Первое, на что следует обратить внимание: подавляющее большинство произведений изобразительного искусства древней Руси посвящено сюжетам, заимствованным из письменности. Нельзя понять эти сюжеты, не принимая во внимание письменных источников, письменных толкований символов и аллего-

рий, самих средневековых представлений о мире, об истории, лучше всего поясняемых литературой. Второе: литература сама очень часто посвящает свое внимание сюжетам, связанным с историей памятников изобразительного искусства и зодчества (истории икон, истории создания церквей и монастырей, истолкованию содержания икон и фресковых изображений). Третье. Многие произведения словесного искусства предназначались для пения, а все произведения музыкального искусства были связаны со словом. Фрески и иконы создавались нередко на сюжеты песнопений и отражали музыкальную структуру своих «оригиналов» (ср., например, знаменитые росписи на сюжеты песнопений богоматери Ферапонтова монастыря XV — нач. XVI в.).

Один из центральных моментов средневековой культуры — богослужение. Здесь соединены элементы словесного искусства, театрального, музыкального, изобразительного (фрески и иконы), прикладного (церковная утварь). И все это вместе объединено зодчеством: богослужение совершается в храме. Все это подчинено единым эстетическим принципам и должно изучаться как некое единство. Кстати вспомним, что именно эстетическое впечатление, произведенное на послов князя Владимира богослужением в храме Софии в Константинополе, явилось стимулом для принятия Русью христианства в его византийской форме.

Для познания эстетических принципов литературы древней Руси очень важно проверять выводы наблюдениями в других искусствах. Думаю, что искусствоведам необходимо проверять свои выводы данными, добытыми в области изучения древней русской литературы.

Все искусства в древней Руси неразъединимы. Плодотворность изучения связей отдельных видов искусств между собой не подлежит сомнению. Кстати, мы посвятили один из томов Трудов Отдела древнерусской литературы (т. XXII, 1966) изучению взаимодействия древнерусской литературы с изобразительными искусствами.

Вопрос. Заговорив о «синтетическом» подходе к культуре, назовем это так, вы не можете, очевидно, не затронуть и вопроса о связях древнерусской литературы (или шире — культуры) с другими славянскими культурами. Ведь тема «Культурные связи древних славян» — одна из центральных, кажется, исследовательских тем в руководимом вами Отделе Пушкинского Дома?

Ответ. Да, вы совершенно правы. Изучение взаимосвязей древних славянских литератур занимает видное место в исследованиях сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Один том уже упомянутых мною Трудов Отдела древнерусской литературы (т. XIX, 1963) посвящен теме «Русская

литература XI — XVII веков среди славянских литератур», а другой (т. XXIII, 1968) — теме «Литературные связи древних славян». Но, помимо этого, у нас ведутся исследования связей отдельных литературных памятников со славянскими литературами. Большое место в работе сектора занимают совместные исследования с Болгарской Академией наук, с отдельными учеными Югославии, Чехословакии и Польши.

Древняя русская литература вопреки обычным, широко распространенным представлениям совершенно не была замкнута в своих узких национальных границах. Напротив, для нее характерно отсутствие четких национальных ограничений, хотя непосредственные нужды русской действительности отражались в ней в высокой степени. Дело в том, что огромное количество произведений древней русской литературы было общим для всех восточных и южных славян. Если мы возьмем такое грандиозное собрание литературных произведений, как созданные по инициативе митрополита Макария в начале XVI века «Великие Четьи-Минеи», куда входили памятники самых различных жанров, то заметим, что более трех четвертей включенного в них литературного материала было общим для литератур всех восточных и южных славян.

Русские памятники были понятны на всем востоке и юге славянства и наоборот. Был большой фонд памятников, которые были распространены на всем юго-востоке Европы. Больше того, среди этих памятников были и такие, которые, правда, в переводах, были популярны по всей средневековой Европе: например, «Александрия» или «Физиолог» (Бестиарий). Рукописи, созданные в Сербии или Болгарии, перевозились в Россию, а созданные в России вывозились в другие страны. Даже в XVIII веке рукописи и печатные издания (а также иконы) вывозились из России в Болгарию, Сербию и Румынию. Известен по именам ряд русских писцов, работавших в монастырях Болгарии и Сербии. На Русь приезжали и здесь работали сербские и болгарские писатели (в XV и XVI вв. особенно).

Между памятниками всех древних славян замечается типологическая близость, общая система жанров, общие эстетические принципы и общие умственные течения. Литературы восточных и южных славян, а также румын связывала не только общность литературного (церковнославянского) языка, общность господствующей религии, но и общность ересей, общность народной борьбы за национальное освобождение, общность протеста народных масс против феодального гнета — одним словом, то многое общее в окружавшей их

действительности, которая и явилась основой их связей и их культурного единства.

Вопрос. Каковы результаты исследования так называемой эпохи «Восточноевропейского предвозрождения» или «возрождения славянского православия»?

Ответ. Термин «возрождение славянского православия» мне чужд. Он принадлежит итальянскому исследователю древнерусской литературы Риккардо Пиккио, кстати сказать, написавшему превосходную историю древней русской литературы, вышедшую в этом году в Италии вторым изданием большим тиражом в массовой серии.

О результатах исследования «Восточноевропейского предвозрождения» говорить пока еще рано. Есть только самая общая постановка вопроса.

Вопрос. Насколько вообще оправдано устанавливаемое в настоящее время понятие «Восточноевропейского предвозрождения»?

Ответ. Постановка вопроса о Возрождении в Восточной Европе, по-моему, неоправдана. Однако постановка вопроса о Восточноевропейском предвозрождении вполне законна. В самом деле, несмотря на отдельные элементы Ренессанса, проникшие на Русь с Запада, подлинного Возрождения на Руси не было. Возрождение не могло развиваться на Руси по целому ряду причин: падение городов-коммун Новгород и Псков, ускоренное развитие централизованного государства, потребовавшего концентрации всех умственных и материальных сил на задачах государственного строительства, ослабление связей с Византией и Западом в результате падения Константинополя и полного разрыва с Западом на Флорентийском соборе, укрепление церкви и союза церкви с государством и т. д. Только в XVII веке исторические функции Возрождения приняло на себя проникшее на Русь барокко. Об этом я подробно писал в вышедшей в этом году статье «Барокко и его русский вариант XVII века» (журнал «Русская литература», 1969, № 2).

Предвозрождение в отличие от Возрождения характерно тем, что обращение к человеку и тенденции к раскрепощению человеческой личности развиваются в недрах еще религиозного сознания. Движение Предвозрождения захватило Византию, Кавказ, южных и восточных славян, было связано с филологическими штудиями, с перемещениями из страны в страну средневековой монашеской интеллигенции, с усиленной переводческой деятельностью и т. д. Важнейшие памятники такого внимания к человеку, к личности человека, к его психологии, к его душевным переживаниям — это до сих пор не изданная и даже не изученная Диоптра — литература, связанная со скифическим мона-

шеством (отмечу, что уход от общей молитвы к молитве уединенной в XIV и XV веках связан с развитием личностного начала), многочисленные жития русских и южнославянских и восточнославянских XIV века, отражающие интерес к человеческой психологии, отдельные повести (например, русская Повесть о Петре и Февронии Муромских) и пр. В области изобразительного искусства внимание к внутренней жизни человека характерно в России для таких во многом противоположных, но вместе с тем и близких художников конца XIV — начала XV века, как Андрей Рублев и Феофан Грек, а в дальнейшем, на рубеже XV и XVI веков, — Дионисий с сыновьями. В России Предвозрождение имело еще одну черту — обращение к эпохе национальной независимости, к Киевской Руси с ее памятниками: к Повести временных лет, к Слово о полку Игореве, к Слово о погибели Русской земли, к Слово о законе и благодати митрополита Илариона и многих других. Эпоха независимости была как бы «своей античностью», и интерес к ней во всех областях культурной жизни страны сыграл выдающуюся роль в духовном освобождении от татаро-монгольского рабства.

Вопрос. Не отразилось ли на будущих судьбах русской культуры то обстоятельство, что Русь была крещена в эпоху страстной религиозной полемики между Римом и Византией? Не сковало ли православие творческих сил личности на Руси в отличие, скажем, от романо-германских стран?

Ответ. Я не вижу в этом отношении никакого различия между православием и католицизмом. Что именно этих различий нет, показывает простой исторический факт: культурная отсталость Руси сравнительно с Западной Европой выявляется не в конце XI века, а только с XIII века — после нашествия Батыя. Эпоха домонгольской Руси — время исключительно быстрого и высокого подъема культуры. Об этом свидетельствуют памятники литературы (не только Слово о полку Игореве, но и такие, как Моление Даниила Заточника, Поучение Владимира Мономаха, Киево-Печерский патерик, Слово о законе и благодати митрополита Илариона, ораторские произведения Кирилла Туровского или Повесть временных лет), памятники домонгольской живописи и архитектуры. Отставание начинается только после татаро-монгольского завоевания. Оно-то и сковало творческие силы на Руси.

Вопрос. Что вы можете сказать по поводу продолжающегося сегодня «открытия» древнерусской иконы, древнерусской культуры в целом? Процесс духовной тяги к «истокам» явлицо. Но не кажется ли вам, что он сопровождается чересчур примитивным, а бы даже сказал, вульгарным

потребительством? За тягой к культуре, к *animus* у культуры не видно сегодня подлинности «онита», например, книжников Кисло-Печерской лавры или Сергия Радонежского. Духовные сокровища прошлого видятся нам в полном смысле механически, как нечто, что очень легко «взять».

Ответ. Действительно, сейчас появилась некая мода на древнюю Русь. Как и во всякой моде, в этой моде есть и свои хорошие и свои дурные стороны. Хорошо, что развивается туризм по древнерусским городам. Люди путешествуют, многое узнают, начинают ценить прошлое своей страны, воспитывают в себе патриотические чувства, развиваются эстетически. «Спрос» на все древнерусское заставляет местные организации внимательнее относиться к памятникам старины, поддерживать их и реставрировать.

Но, с другой стороны, в этой моде есть и некоторые отрицательные стороны. Неглубокий интерес к памятникам древней Руси заставляет малообразованных людей усматривать в древней Руси по преимуществу развлекательную сторону: появляются рестораны, бары и коктейль-холлы под звучными названиями «харчевен», «кабачков», «медовух» и пр., где подаются разные, по большей части плохие, квасы, меды, сбитни... Это, конечно, опошление древнерусской культуры. В этом много грубомаскарадного, поддельного, безвкусного. Я люблю древнерусскую одежду, но мне стыдно смотреть, когда современного человека наряжают в какие-то псевдорусские поддевки и сарафаны. Нестерпима пошлость этого превращения древней Руси в развлекательно-питейно-едальный аттракцион. Только поверхностный, антиисторический и пошлый подход к древней Руси может заставить молодых людей одеваться «а-ля рюсс», есть деревянными ложками, носить смазные сапоги и зипуны. Но не менее пошлой окажется попытка ограничить свои культурные потребности духовными ценностями древней Руси. Вся ценность культуры древней Руси предстанет перед нами только тогда, когда мы ощутим ее дополняющую нас и расширяющую наш современный опыт способность.

Несколько слов о коллекционерстве икон, которое приняло сейчас массовые формы. Известно, что коллекционеры во все века спасали от гибели многие и многие произведения искусства. Рано или поздно частные коллекции вливаются в большие собрания. Однако формы, которые приобрело сейчас коллекционирование икон, во многом уродливы. Прежде всего о моральной стороне дела. Коллекционеры ездят по сельским местностям и, пользуясь тем, что настоящая цена на предметы древнерусского и народного искусства

местному населению неизвестна, приобретают их не то чтобы за полцены, а за одну сотую их настоящей стоимости, а иногда получают их и совсем бесплатно. Такого рода приобретательством занимаются, не задумываясь о моральной стороне, весьма видные и почтенные люди. Между тем давать настоящую цену за приобретаемые вещи необходимо не только потому, что иное — обман и грабеж, но и для того также, чтобы местное население, узнав, как ценятся предметы искусств, начало бы их по-настоящему беречь, а не относиться к ним, как к ненужному хламу прошлого.

Плохо также и то, что те памятники архитектуры и монументальной живописи, которые не связаны непосредственно с туристическими маршрутами, не восстанавливаются и забываются. И это не только где-то в захолустье.

Как это могло случиться? Ответ на этот вопрос заключается, мне кажется, в том, что мода на все древнерусское не переступила еще у многих границ самого поверхностного увлечения. История древнерусских городов у нас, по существу, не изучается. Краеведение, которое при жизни Ленина, в начале 20-х годов, занимало очень большое место в культурной жизни нашей страны, несмотря на тогдашние очень неблагоприятные экономические обстоятельства, находится сейчас в жалком состоянии. Надо создавать специалистов-краеведов, открыть на исторических факультетах университетов и педагогических институтов соответствующую специальность и ввести в средней школе преподавание краеведения. Краеведение в средней школе будет воспитывать любовь к своему городу, к своему селу, к своей местности, уменьшит стремление молодежи покинуть родные места. Я придерживаюсь того взгляда, что любовь к Родине начинается с любви к своей семье, к своему дому, к своей школе. Она постепенно растет. С возрастом она становится также любовью к своему городу и к своему селу, к родной природе, к своим землякам, а созрев, становится сознательной и крепкой, до самой смерти, любовью к своей стране и ее народу. Нельзя перескочить через какое-либо звено этого процесса, и очень трудно скрепить вновь всю цепь, когда что-нибудь в ней выпало или, больше того, отсутствовало с самого начала.

Тяга к древнерусской культуре — явление симптоматическое. Эта тяга вызвана прежде всего стремлением обратиться к своим национальным традициям. Современная культура отталкивается от всяческого обезличивания, связанного с развитием стандартов и шаблонов: от безликого «интернационального» стиля в архитектуре, от американизирующегося быта, от по-

степенно выветривающихся национальных основ жизни.

Но дело не только в этом. Каждая культура ищет связей с прошлым, обращается к одной из культур прошлого. Ренессанс и классицизм обращались к античности. Барокко и романтизм обращались к готике. Наша современная культура обращается к эпохам большого гражданского подъема, к эпохам борьбы за национальную независимость, к героическим темам. Все это как раз глубоко представлено в культуре древней Руси.

Наконец, отметим такое, казалось бы, частное, но очень важное явление. Древняя Русь привлекает наших современников эстетически. Древнерусское искусство, как и искусство народное, отличается лаконичностью, красочностью, жизнерадостностью, смелостью в решении художественных задач.

Речь может идти, конечно, не о простом, бездушном подражании, а о творческой переработке художественного опыта древней Руси. Иногда современные художники тянутся к искусству прошлого только по контрасту — потому, что старое искусство очень «непохоже» на современное и, следовательно, может служить резервуаром свежести, новизны. Это, конечно, тоже хорошо, но крайне недостаточно.

Немалую роль в тяготении к культуре древней Руси имеет сейчас интерес к этическим проблемам. Вопросы этические начинают постепенно занимать все большее и большее место в современном мире. Молодежь на Западе начинает по-своему решать этические проблемы, бескомпромиссно и героически. Многие, отказываясь от военной службы, чтобы не сражаться во Вьетнаме, идут на прямое мученичество. Этические проблемы занимают большое место в идейных запросах и советской молодежи.

Интерес к древнерусской культуре характерен сейчас для молодежи всего мира. Книжки по древнерусской культуре, литературе, искусству издаются и переиздаются повсюду. Достаточно сказать, что двадцать первых томов Трудов Отдела древнерусской литературы переизданы за рубежом дважды — в США и в ФРГ. Неоднократно издаются за рубежом такие памятники, как Повесть временных лет, Киево-Печерский патерик, Слово о полку Игореве, Слово о законе и благодати Илариона, Моление Даниила Заточника, многие жития русских святых, и прежде всего, конечно, Авакума. Много раз изданы в переводах и в подлиннике послания Ивана Грозного. Отмечу, что литературные памятники древней Руси переводятся и издаются даже в Японии. В старой столице Японии Киото выходит журнал «Древняя Русь». Невозможно перечислить всех изданий и

переизданий памятников древней Руси, которые делаются на Западе и на Востоке.

Нельзя не упомянуть и о переизданиях исследований по древней Руси. Тут и до-революционные исследования и современные советские. Несколько книг переиздано на Западе и моих. Я упоминаю об этом не потому, что они мои, а потому, что они посвящены древней Руси: ее культуре, ее летописям, ее памятникам.

Как видите, «мода» на древнерусское перестает быть поверхностной модой, становится более глубоким и широким явлением, к которому стоит присмотреться.

Вы говорите: «За тягой к культуре, к апитию культуры не видно сейчас подлинности «опыта», например, книжников Киево-Печерской лавры или Сергия Радонежского». Такую постановку вопроса, мне кажется, следует рассмотреть особенно внимательно.

Я самым решительным образом утверждаю: для того, чтобы глубоко приобщиться к какой-либо из культур прошлого, нет необходимости отречься от современности, переселиться (духовно) в это прошлое, стать человеком прошлого. Для проникновения в культуру древней Руси нет ни малейшей надобности становиться Сергием Радонежским или монахом Киево-Печерского монастыря XI—XII веков. Это и невозможно, это и обеднение себя, это и неуважение к той культуре, которая сама была обращена к будущему, искала осуществления своих идеалов не только непосредственно в настоящем, но и в отдаленном будущем. Было бы бессмысленно стремиться в прошлое, когда это прошлое само устремлялось в будущее.

Обращение к культуре прошлого — это не измена своей культуре, а дополнение и обогащение ее.

Проникновение в сущность старой культуры не требует принятия ее верований и обычаев. Понимание чужих убеждений не есть принятие этих убеждений. Познавание не есть растворение познающего в познаваемом.

Одна культура может понимать и глубоко проникать в другую. Это — очень важное явление. Не только целые народы и эпохи, но и отдельный человек может до конца познать другого человека, не переставая быть самим собой, а лишь обогащаясь познавателем. Мы способны понять не только другое существо, но и другую сущность, оставаясь вместе с тем отграниченными от этой другой сущности. Для меня это — одно из самых удивительных и самых значительных свойств человеческого познания.

Вопрос. Ваши творческие планы?

Ответ. О своих планах я не очень люблю говорить, но вот о планах работы Сектора древнерусской литературы Институ-

та русской литературы АН СССР на ближайшие годы, пожалуй, сказать стоит. Помимо уже упомянутой двенадцатитомной «Библиотеки древнерусской литературы», нам предстоит закончить «Историю жанров древнерусской литературы». Замысел такой истории объясняется тем, что жанровое деление литературы играло в древней Руси гораздо более значительную роль, чем в литературе нового времени. В каждом жанре, помимо общих для всей литературы изменений, были и свои самостоятельные линии развития.

Отдельный выпуск Трудов Отдела древнерусской литературы посвящается нами исследованию связей новой русской культуры XVIII—XX веков с древнерусской литературой. Нам предстоит также закончить Словарь-справочник Слова о полку Игореве, три выпуска которого уже вышли и вызвали большой интерес как у нас, так и за рубежом.

Материала для исследования и издания очень много. Вас, может быть, удивит, что самые большие и самые значительные памятники литературы древней Руси до сих пор не изданы: Еллинский и Римский летописец, Толковая Палея, Историческая Палея, Хронографическая Палея, только частично, на одну треть изданы Четьи-Минеи митрополита Макария. Не изданы отдельные редакции Русского Хронографа, переводная Хроника Константина Манасии, сильно повлиявшая на русскую историческую прозу. Все это памятники не только значительные, но и очень обширные, сохранившиеся в большом числе списков. Издание их очень трудоемко. Много памятников древней Руси не имеет критического издания по всем спискам и по всем редакциям: Повести о Вавилоне, Повести о Петре и Февронии Муромских, десятки интереснейших житий и т. д. В

полном объеме не издано до сих пор даже стихотворное наследие Симеона Полоцкого, не говоря уже о наследии других стихотворцев XVII века. А вопросы теории и истории древней русской литературы? Выяснению одних только задач изучения ее нами в свое время был посвящен целый том Трудов Отдела древнерусской литературы (т. XX, 1964) в 40 авторских листов.

Коллектив Сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР насчитывает всего только десять человек. Еще малочисленнее коллектив специалистов Института мировой литературы имени Горького АН СССР. Там всего три сотрудника занимаются древней русской литературой. В Новосибирске занимаются древней русской литературой два сотрудника. И это все. Ясно, что, помимо Москвы, Ленинграда и Новосибирска, древнюю русскую литературу и культуру должны изучать и в других городах. Ведь древнерусская культура обнимает собой семь веков, а объем рукописного наследия, сохранившегося в наших архивах, колоссален. Наследие рукописного периода нашей книжности — одно из самых больших книжных средневековых наследий в Европе.

Между тем, может быть, некоторых читателей удивит, что древнерусская книжность до сих пор еще целиком не собрана. Под руководством В. И. Малышева за послевоенные годы из рукописных книг, найденных во время экспедиций нашего сектора, а также путем покупок и пожертвований создано Древнехранилище из трех тысяч рукописных книг. Только за последний, 1969 год Древнехранилище нашего сектора пополнилось пятьюдесятью рукописями, из которых две принадлежат XV веку, две — XVI веку, а остальные — XVII и XIX векам.